

Станжевский Федор Алексеевич

ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕРОБЪЕКТИВНОСТИ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СОЗНАНИЯ

В статье предлагается подход к сознанию, согласно которому наряду с социальной средой конститутивное значение для сознания имеют предметы материальной культуры. Приводятся примеры конституирующего значения предметов культуры для становления человеческого сознания и самосознания. Выдвигается гипотеза о том, что сознание индивида в некоторых случаях можно объяснить исходя из системы, более широкой, чем отдельный индивид, например, система "мозг - тело - орудие - среда", в частности как социальная, так и материальная.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 177-180. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.2

Философские науки

В статье предлагается подход к сознанию, согласно которому наряду с социальной средой конститутивное значение для сознания имеют предметы материальной культуры. Приводятся примеры конституирующего значения предметов культуры для становления человеческого сознания и самосознания. Выдвигается гипотеза о том, что сознание индивида в некоторых случаях можно объяснить исходя из системы, более широкой, чем отдельный индивид, например, система «мозг – тело – орудие – среда», в частности как социальная, так и материальная.

Ключевые слова и фразы: предметы культуры; сознание; когнитивный процесс; индивид; орудие.

Станжевский Федор Алексеевич

*Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)
stanzh@mail.ru*

**ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕРОБЪЕКТИВНОСТИ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В ФОРМИРОВАНИИ СОЗНАНИЯ**

Согласно культурологической концепции петербургского философа М. С. Кагана, в культуре можно выделить момент опредмечивания человеческой деятельности в предметах культуры, а также момент распредмечивания, посредством которого «в культурном предмете процесс его создания “угасает” для того, чтобы вновь “зажечься” в новой деятельности, извлекающей из него заключенное в нем человеческое содержание» [1, с. 31]. Это распредмечивание трансформирует и обогащает человека, который сам становится продуктом культуры. Благодаря этому диалектическому отношению человек, творимый культурой, становится ее творцом [Там же].

В этом контексте нужно отметить, что в современной антропологии и философии археологии все отчетливее заявляет о себе концепция вещи, предмета культуры как активного участника формирования сознания человека. Согласно этой концепции, сознание и материальная культура взаимно конституируют друг друга: если люди делают вещи, то вещи, в свою очередь, делают людей теми, кто они есть. Так, британский антрополог Тим Ингольд показывает, насколько изменилось человеческое сознание после распространения такого предмета культуры как обувь, а также после укоренения практики сидеть на стульях [3, р. 37]. Обувь не позволяет человеку «мыслить ногами»; ноги становятся не интерфейсом между человеком и миром, а средством передвижения, своего рода пьедесталом для мыслящей головы и для преобразующих природу рук; в отличие от рук, ноги находятся «в природе». В свою очередь, распространение практики сидеть на стульях создало иллюзию разума-зрителя, отделенного от созерцаемой им среды. Мышление постепенно отделяется от движения, с которым изначально неразрывно связано, а разум перестает быть деятельным и отделяется от внешнего мира. Все мировосприятие становится «сидячим»; оно теперь опосредуется только зрением и слухом, и на него уже не оказывают воздействия тактильные и кинестетические ощущения, передаваемые ногами. «Обувь и стул устанавливают технологическое основание для отделения мысли от действия, а сознания от тела – то есть для фундаментальной беспочвенности, характерной для современной городской жизни» [Ibidem, р. 39].

Таким образом, материальная культура оказывает обратное воздействие на своего «производителя». Материальные инновации, начиная от первых каменных орудий и кончая изобретением письма и счета, являются не столько достижениями человеческого мозга или свидетельствами новой внутренней репрезентативной способности, сколько новыми возможностями для мозга, формами деятельности, открывающими новые навыки и новые формы мышления [6, р. 243]. Таким образом, если создание и использование орудия требуют интеллекта, то само орудие, в свою очередь, трансформирует и повышает интеллект использующего его человека. Следовательно, новые способы изготовления вещей и обращения с вещами являются не просто продуктом произошедших в эволюции когнитивных изменений, но и конститутивным моментом изменяющегося человеческого интеллекта. Объекты человеческой культуры являются неотъемлемой частью человеческой мысли, а не только лишь ее внешним проявлением.

Осознание роли материальной культуры в становлении (как филогенетическом, так и онтогенетическом) человеческого разума требует отказаться от индивидуалистической концепции биологической и культурной природы человека. Согласно этой концепции, гены односторонне определяют поведение человека. Развитие сознания в этом случае является постепенным развертыванием заложенной в индивида информации. В свою очередь, реляционная и экологическая антропология подчеркивает двунаправленные воздействия, взаимодействие между генетическими, поведенческими и социокультурными аспектами. Эта концепция позволяет объяснить те модификации в структуре и функциональном строении мозга, которые были вызваны изменениями в культуре (в частности, материальной культуре) и в среде. Сама сложность человеческого мозга отчасти является результатом постепенной экстернализации мысли в предметах материальной культуры и в символическом выражении. Таким образом, изменения, обнаруживаемые в археологическом материале разных периодов, указывают не на пред-существующие когнитивные способности, а на постепенную пластическую трансформацию и реорганизацию когнитивного строения человека. Материальная культура и человеческое познание онтологически неотделимы друг от друга.

Использование орудий является ярким примером тесного взаимодействия между предметами материальной культуры и человеческим сознанием на уровне отдельного индивида. Исследования при помощи фМРТ показали, что во время использования орудия нейроны, соответствующие области руки в соматосенсорной коре, изменяют паттерн активации, включая орудие в свою область действия [5, р. 3]. Это означает изменение нейронной картины телесной схемы, которая теперь включает в себя и орудие. Нейронная «карта» формы тела и его положения существенно изменяется. Таким образом, орудие как бы поглощается функционирующим телом, инкорпорируется в это тело, и можно утверждать, что использующий орудие человек мыслит при помощи этого орудия. Орудие модифицирует моторные возможности человека; рука с орудием как бы удлиняется, расширяя восприятие пределов досягаемости, а, следовательно, и восприятие пространства. Ментальное состояние восприятия окружающего пространства модифицируется при использовании орудия. Так, лыжники воспринимают возможность пересечения определенного участка по-разному, в зависимости от того, надеты ли на них в данный момент лыжи; пространство перед автомобилем воспринимается по-разному в зависимости от маневренности, мощности или скорости машины [Ibidem, р. 10]. Орудие увеличивает репертуар возможных действий и тем самым делает возможным появление новых возможностей действия. Так, визуальное восприятие деталей пространства поваром обусловлено «взаимодействием интересов повара и культурных ресурсов – рецептов, кулинарных предпочтений и т.д. – с наличествующими физическими предметами – ингредиентами, посудой, планировкой кухни. Визуальная система повара мотивирована замечать определенные детали физического пространства, относящиеся к данному рецепту и к его поварскому стилю... В любой момент то, что повар видит, мотивировано орудиями в его руках. Когда в его руках нож, повар видит предметы, которые можно резать, а когда он держит грязную лопатку, он видит возможные места, куда можно ее положить, и так далее» [Ibidem, р. 12].

Однако с антропологической точки зрения интерес представляет не только использование орудий, но и история их изготовления. Процесс изготовления орудий по-разному понимается в рамках индивидуалистической и холистической, реляционной антропологии. Концепция сознания, основанная на индивидуалистической антропологии, предполагает, что когнитивный процесс начинается с ввода в мозг и заканчивается выводом, причем сам когнитивный процесс протекает внутри индивида. Согласно индивидуалистической концепции культуры, археологи извлекают остаточные продукты сознательной мысли прошлого, и соответствующий анализ этих предметов позволяет проникнуть в процессы, происходившие «в голове» индивидов, стоявших за этими предметами. Эта концепция зиждется на предпосылках, согласно которым сознание отделено от тела, сознание (мозг) обладает контролем над телом, и взаимодействие с миром не имеет конститутивного значения для сознания. Эти предпосылки обосновывают модель, предполагающую использование «внешних» материальных предметов для умозаключения о «внутренних» ментальных состояниях доисторических или древних людей. Таким образом, археологи извлекают лишь материальные результаты не-материального мышления.

По мнению археолога Л. Малафуриса, некоторые археологи постулируют ментальное состояние, сознательную интенцию, якобы стоящую за очертаниями каменного орудия (речь идет о первобытном каменном топоре-рубиле) [6, р. 171]. Рубило в этом случае является внешним продуктом внутреннего ментального состояния, заранее сформированной идеи, впоследствии реализованной во внешнем физическом мире. Имеет место односторонняя каузальная связь между активным сознанием и пассивным камнем. Ментальное состояние намерения со стороны изготовителя каузально вызывает движение во внешнем мире, приводящее к готовому рубилу. Таким образом, внутреннее ментальное состояние – репрезентация – во временном и онтологическом отношении предваряет внешний физический акт. Вопреки этому, археолог Л. Малафурис утверждает, что сама практика, ход и навык изготовления орудия являются неотъемлемой составляющей когнитивного процесса, а не только лишь его внешним результатом. Ментальные состояния изготовителя конститутивно переплетаются с физическими свойствами артефактов. Так, решения о том, куда именно нанести следующий удар и сколько силы следует приложить, не принимаются изготовителем в изоляции, отдельно от обрабатываемого камня. Угол откалываемого камня не определяется изготовителем заранее, но открывается в процессе самого действия, в контексте ощущения изготовителем обрабатываемого материала. Нейронная активация в мозгу изготовителя является частью всего процесса, а не центральным процессором, который якобы использует камень и тело изготовителя для реализации заранее сформированной идеи или ментального плана. Мозг, тело, орудие и обрабатываемый материал образуют единую систему. «Орудие направляет хватку, хватка формирует руку, рука делает орудие, а работа с орудием изменяет сознание» [Ibidem, р. 174]. При изготовлении и использовании орудия мозг не всегда является центральным органом контроля. В определенном моменте сама деятельность откалывания вызывает движения руки, изменения в обрабатываемом камне и определенный паттерн активации в коре мозга изготовителя. Камень в руке изготовителя неотделим от ментального состояния изготовителя, он является неотъемлемой частью когнитивного процесса. Внутри всей системы мозг-тело-камень-орудие имеют место «петли обратной связи между руками, предметами, визуальной подсистемой, и акустической подсистемой (поскольку откалывание камня связано с определенным звуком)» [Ibidem, р. 176]. Ментальное состояние намерения изготовителя неотделимо от самого действия, и это делает невозможным провести четкую линию водораздела между субъективным намерением деятеля и аффордансом материала.

Антрополог Тим Ингольд описывает опыт работы с пилой, подчеркивая, что при распиле доски рука управляется не столько изнутри, сколько во взаимодействии с самой доской [3, р. 53]. Движения отчасти определяются следами на доске предыдущих движений руки и пилы. Распил доски является эффектом не только ментального состояния деятеля или же пилы, но всей системы сил и отношений, образованной

телом пилящего, его органами зрительного и слухового восприятия, сознанием и мозгом, пилой, подпоркой и всем рабочим местом. «Хотя движение придается пиле посредством кисти и предплечья, оно ощущается во всем теле посредством вибрирующего баланса сил в коленях, ногах, кистях, плечах и спине. Тот запил, который я уже сделал, теперь служит ориентиром, препятствующим пиле отклониться от прямой линии... По мере приближения к концу линии заметное понижение звука, вызванное уменьшением прочности доски на растяжение, служит в качестве акустического сигнала к замедлению движения» [Ibidem, p. 52].

Археолог Л. Малафурис исследует аналогичный феномен на примере гончарного круга. По его мнению, ментальные состояния и события гончара, работающего над сосудом, распределены и охватывают нейроны мозга гончара, мышцы его тела, движения глаз и рук, аффордансы круга, материальные свойства глины, существующие морфологические и типологические прототипы сосудов, а также общий социальный контекст, в котором происходит работа [6, p. 212]. Ни один из этих факторов не может определять работу гончара в изоляции, отдельно от других. Несомненно, решение взятая за работу принимает гончар (если абстрагироваться от социального контекста, в частности – социального принуждения). Однако конкретные движения в ходе работы вызваны не только центральными процессами в мозгу гончара, но и требованиями, накладываемыми орудиями, печью для обжига, а также характером глины. В этом контексте очень трудно отделить однонаправленную причинно-следственную связь, исходящую из мозга гончара, от каузального воздействия предметов и материалов. В ситуации обратной связи между элементами процесса сложно линейным образом отделить причину и следствие. Здесь речь идет не об изолированном деятеле, воздействующем на инертную среду; скорее, имеет место динамическое сцепление между гончаром и его рабочей средой, «причем иногда танец ведет гончар, а иногда его ведет вся ситуация» [Ibidem]. Так, во время работы в определенные моменты опытный гончар, погруженный в процесс, может испытывать чувство принадлежности своего действия (то есть проприоцептивно ощущать, что именно его руки касаются глины), но утрачивать чувство авторства действия (то есть ощущение, что именно он является источником и причиной действия). Гончар ощущает погруженность в процесс и даже единство с глиной, которую он формирует.

Подобно тому, как невозможно искусственно отделить намерения и ментальные состояния погруженно-го в работу гончара от воздействия глины и гончарного круга, нельзя рассматривать предметы археологии отдельно от процессов мышления первобытного или древнего человека. Так, древнейшие доисторические наскальные рисунки следует понимать не как продукт сознания первобытного человека, попытку намеренной репрезентации чего-либо, а как мышление в действии, неотъемлемую часть мыслительного процесса [Ibidem, p. 185]. Таким образом, они являются не следом человеческой мысли, а действенной частью этой мысли и ее продолжением в пространстве и времени. Мысль прошлого не просто выражена в материальной культуре, она отчасти конституируется материальной культурой. Так, орудия участвовали в формировании человеческого мышления, и археологические свидетельства (например, рубила) следует понимать не столько как видимый продукт невидимого когнитивного навыка, сколько в качестве оставшейся половины динамической петли обратной связи между человеческим познанием и материальной культурой. Чтобы это увидеть, необходимо акцентировать временное развертывание, динамический процессуальный характер работы над доисторическим рисунком, абстрагируясь от готового статического паттерна. Первые рисунки сродни первым детским каракулям на бумаге [Ibidem, p. 193]; такое чирканье на бумаге оставляет внешние следы, которые стимулируют дальнейшие действия. Оно представляет собой интерактивную систему, отвечающую на собственные действия ребенка. Со временем такие пометки могут приобретать смысл, становясь рисунком. Но даже более совершенные палеолитические рисунки являются не только готовым представлением, репрезентацией чего-либо, но и орудием, инструментом мышления, формой визуальной мысли.

Мысль не обязательно является внутренним ментальным состоянием; изначально мысль есть взаимодействие мозга и тела с миром. Такое взаимодействие является не столько продуктом мысли, сколько ее «телом», оно конституирует сам мыслительный процесс, в котором трудно искусственно отделить друг от друга внутренние и внешние аспекты динамики. Сознание и вещи являются не столько отдельными статическими сущностями, сколько процессами, континуальными по отношению друг к другу или же тесно сплетенными друг с другом. Мышление осуществляется через вещи и посредством вещей. Сознание и разум человека имеют реляционную природу, что позволяет людям и предметам культуры взаимно конституировать друг друга. Человеческая мысль встроена в вещи, она реализуется через вещи. Таким образом, исследование материальной культуры является неотъемлемым аспектом исследования человеческого разума. Разум и сознание является эмергентным свойством, возникающим из процесса синергии между мозгом, телом и вещами. Таким образом, сознание и вещи в определенные моменты находятся в конститутивной взаимосвязи друг с другом, а не просто в каузальной связи.

Однако важно отметить, что взаимодействие с материальной культурой не сводится только к описанным выше типам ситуаций. Согласно археологу Иэну Ходдеру, люди запутаны в вещи, сплетены с вещами; он отмечает разнообразие форм зависимости людей от вещей [2, p. 19]. Человек вовлечен в совместную деятельность с вещами и с другими людьми, своего рода социально-материальную сеть. Восприятие человека как изолированного индивида, отделенного от мира вещей, лишено всяческого оборудования и инструментов и обладающего лишь внутренними ментальными состояниями (например, намерениями) и внутренней способностью к действию, в значительной мере является абстракцией. Индивидуалистическая антропология основана на негласной предпосылке об изначальном естественном состоянии такого «голового» индивида, который затем вступает в отношения с другими индивидами и с вещами. Вещи, согласно этой картине, являются лишь придатком. Вопреки этой картине, следует заметить вслед за археологом Бьорнармом Ольсенем,

что люди не столько занимают положение *позади вещей*, сколько становятся людьми, живя в единстве с вещами [7, р. 135]. Именно в соединении с вещами образуется идентичность человека. Так, «рыбак – это не просто индивид, человеческое тело, снабженное разумом. Используя свою лодку, гидролокатор и инструменты, он размещает свои сети в разных точках морского ландшафта. Лодка, сети и другое оборудование, равно как и волны, морской ландшафт и рыба – все это составляющие его распределенной идентичности» [Ibidem, р. 136]. Нельзя понять идентичность рыбака в изоляции от этого контекста взаимодействующих друг с другом вещей и природы. Если же рассматривать идентичность рыбака на макро-уровне, то к этому следует прибавить историю рыболовецкой практики, всю сеть промышленности, создающей рыболовецкое оборудование, сообщества рыбаков и т.д.

Все это не отрицает каузальной роли ментального состояния деятеля, его намерения. Однако, как мы видели на предыдущих примерах, это намерение не всегда играет центральную каузальную роль. Когда рыбак уже вовлечен в свою работу, его отдельные действия, связанные с намерениями-в-действии, то есть намерениями, вплетенными в текущую деятельность, обусловлены всей системой рыбак-сети-рыба-среда. Еще более сложную систему представляет собой рыболовецкое судно, где имеет место взаимодействие группы людей. В этом случае вся система, которая включает в себя многих индивидов, обладает когнитивными свойствами, отличными от свойств отдельных индивидов. Описание ментальных состояний и когнитивных свойств отдельного индивида в этом случае не достаточно для объяснения действия системы. Вещи могут воздействовать на людей, а также опосредовать отношения между людьми [6, р. 79].

Б. Олсен отмечает роль предметов материальной культуры в процессе перехода от общинной формы жизни к индивидуализации, происходившего во второй половине восемнадцатого века в американских колониях. Это формирование общества, основанного на идее личного пространства и частной жизни, засвидетельствовано в ритуальных практиках, архитектуре, мебели, а также в практике принятия пищи [7, р. 143]. Так, дома разделяются на большее количество отдельных комнат, с разделением общественного и личного пространства. Появляется большее количество личных предметов, которые уже не разделяются с другими людьми, – от «ночных ваз» до книг и обеденных приборов. Таким образом, в становлении нового индивидуалистического порядка участвовал не только человеческий субъект, разум, сознание, но и «целая бригада актантов – тарелки, вилки, могильные камни, люди, мусорные свалки, дома, пища, ночные вазы, своды законов, музыкальные инструменты и т.д., которые действовали сообща» [Ibidem, р. 145]. Вещи становятся посредниками, медиаторами, участвующими в создании новых отношений и фиксации новой социальной конфигурации. Они сделали возможными новые телесные практики и предписывали новые программы действия. Например, стены, разделявшие дом на отдельные комнаты, создавали границы, ограничивавшие общее пространство и создававшие личное пространство; это, в свою очередь, приводило к трансформации восприятия и поведения человека в социуме. Именно такие новые программы действия, опосредованные вещами, участвовали в становлении современного индивида. Парадоксальным образом, само это становление индивида было по существу коллективным процессом, охватывавшим как все общество в целом, так и предметы материальной культуры.

Невозможно отрицать роль человека (будь то отдельного индивида или же всего людского рода) в создании культуры. Однако необходимо принимать во внимание и обратный процесс, а именно – деятельную роль культуры в создании человека, как в онтогенетическом, так и в филогенетическом отношении. Некоторые ментальные состояния человека могут пониматься только в тесном сплетении с предметами материальной культуры. Более того, сама концепция ментальных состояний как внутренне присущих индивиду является артефактом культуры, образованным не только в голове мыслителей, но и при активном содействии конкретных материальных предметов культуры.

Список литературы

1. **Каган М. С.** Философия культуры. СПб., 1996. 414 с.
2. **Hodder I.** The Entanglements of Humans and Things: A Long-Term View // *New Literary History*. 2014. Vol. 45. Iss. 1. P. 19-36.
3. **Ingold T.** Being Alive. Essays on Movement, Knowledge and Description. L.: Routledge, 2011. 289 p.
4. **Ingold T.** Making. Anthropology. Archaeology. Architecture. L.: Routledge, 2013. 176 p.
5. **Kirsh D.** Embodied Cognition and the Magical Future of Interaction Design // *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*. 2013. Vol. 20. Iss. 1. P. 3-30.
6. **Malafouris L.** How Things Shape the Mind. A Theory of Material Engagement. Cambridge: The MIT Press, 2013. 320 p.
7. **Olsen B.** In Defense of Things: Archaeology and the Ontology of Objects (*Archaeology in Society*). AltaMira Press, 2014. 203 p.

ROLE OF INTER-OBJECTIVITY AND MATERIAL CULTURE IN CONSCIOUSNESS FORMATION

Stanzhevskii Fedor Alekseevich

Saint Petersburg State Institute of Technology (Technical University)

stanzh@mail.ru

The article proposes an approach to consciousness, according to which cultural artifacts are constitutive for consciousness along with social environment. The author provides examples of artifacts' constitutive meaning for the formation of human consciousness and self-consciousness. The researcher proposes a hypothesis that individual consciousness in some cases can be explained in terms of the system that is broader than an individual, for example, the system "brain – body – tool – environment (both social and material)".

Key words and phrases: artifacts; consciousness; cognitive process; individual; tool.